

A portrait of Maxim Gorky, a Russian writer, with long dark hair and a mustache, wearing a dark blue turtleneck sweater. He is looking slightly to the right of the camera with a serious expression. The background is a plain, light-colored wall.

*“...то кричит
пророк победы:
— Пусть сильнее
грянет буря!..”*

*Максим
Горький*

Максим Горький

РОССИЯ МЕЖДУ

ДИКОСТЬЮ И ПРОИЗВОЛОМ

ЗАМЕТКИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

Максим Горький
Россия между дикостью
и произволом. Заметки
русского писателя
Серия «Кто мы?»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67330194

Россия между дикостью и произволом. Заметки русского писателя:

ООО «Издательство Родина»; Москва; 2022

ISBN 978-5-00180-419-2

Аннотация

«Русское правительство есть только политическая партия, лишенная моральной связи с русским народом и враждебная ему по своим задачам. Под давлением необходимости русские власти устраивают гнуснейшую комедию народного представительства. Народ понял эту грубую комедию, он не хочет Думы, в которую желают посадить на роли представителей его желаний каких-то темных людей, не известных ему», – писал Максим Горький в начале прошлого века.

Он хорошо знал Россию, с 11 лет Алексей Пешков (будущий Максим Горький) вынужден был сам зарабатывать себе на жизнь и сменил много профессий, странствуя «по Руси». Впечатления от этого он позже отразил в своих произведениях, в которых

утверждал, что человек в России «дешев и никому не нужен», а существование его проходит среди «людей безграмотных, бессовестных, одичавших от волчьей жизни в зависти и жадности».

Неоднозначным было отношение Максима Горького к революции: с одной стороны, он надеялся, что под ее влиянием в русском человеке «разгорятся ярким огнем силы его разума и воли, подавленные гнетом полицейского строя жизни». С другой стороны, Горький опасался, что «живя среди отравлявших душу безобразий старого режима, мы заразились всеми пагубными свойствами людей, презиравших нас, издевавшихся над нами... Старый порядок разрушен физически, но духовно он остается жить».

В данную книгу вошли очерки и рассказы Максима Горького, показывающие Россию первых десятилетий XX века, какой он ее видел.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Максим Горький	5
Моя родина становится кошмаром всего мира	6
Не давайте денег русскому правительству!	6
Русское правительство – источник анархизма в стране	10
Рабов нельзя любить	14
Заметки о мещанстве	14
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Горький
Россия между дикостью
и произволом. Заметки
русского писателя

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Моя родина становится кошмаром всего мира

Не давайте денег русскому правительству! (из одноименной статьи)

Когда правительство теряет доверие народа, но не уступает ему своей власти, – оно становится только политической партией.

Когда такая политическая партия идёт против здравого смысла народа, отрицающего её, и, стремясь подавить это отрицание, употребляет насилие, – всякий разумный и честный человек должен сказать, что подобная борьба против воли народа – преступна, что данная партия ставит свои корыстные интересы выше интересов всей страны.

Русское правительство есть только политическая партия, лишённая моральной связи с русским народом и враждебная ему по своим задачам, – это должно быть понятно всем неглупым людям, наблюдающим за жизнью России...

Под давлением необходимости иметь деньги русские власти устраивают гнуснейшую комедию народного представи-

тельства. Честные люди, искренно и бескорыстно желающие добра стране, посажены в тюрьмы, высланы в Сибирь, всеми способами устранены от выборов. Выборы всюду идут под давлением полиции или тех людей, которые зовут себя «монархистами». Те из них, которые не служат в тайной полиции, не лучше тех которые служат в ней. За деньги они не только Христа продадут, – Сатану признают главой церкви. Если этим «монархистам» перестать давать деньги – завтра же большинство из них будет врагами правительства. Связи с народом у них нет и не может быть.

Народ понял эту грубую комедию, он ясно видит, что Дума – декорация, которую хотят обмануть Европу, чтобы достать из её карманов денег на борьбу же с ним. Он не хочет Думы, в которую желают посадить на роли представителей его желаний каких-то тёмных людей, не известных ему. Там, где его полиция гоняет на выборы нагайками, он выбирает мошенников, угодных правительству, там же, где есть хоть малейшая свобода, – он выбирает только тех, кто уже сослан в Сибирь или сидит в тюрьме за свои политические убеждения.

Он выбирает также глухонемых, остроумно идя навстречу желанию своего правительства, которое хотело бы наполнить Думу восковыми фигурами, деревянными болванами, чем угодно – только не честными людьми.

Не давайте ни гроша денег русскому правительству! Оно не имеет связи с народом, миллионы людей уже осудили его

на гибель.

Нет, не нужно давать денег той анархической партии, которую Европа по недоразумению, продолжает считать русским правительством, – эти деньги пойдут на убийства. Не давайте денег насильникам над духом и телом русского народа!

Мне так трудно представить, чтобы культурная Европа, видя, как варварская власть, обезумевшая от страха потерять своё положение в стране, давит, душит, убивает тысячи людей, хотела помочь этой власти в её преступлениях.

И неужели Европу так мало беспокоит простая мысль, что ведь небезопасно иметь своими соседями сто сорок миллионов людей, которых всячески стараются превратить в животных, упорно внушая им вражду и ненависть ко всему, что не русское, воспитывая в них жестокостью – жестокость ещё большую, насилиями – страсть к насилиям ещё более грубым?..

Не давайте денег в руки варваров, политика которых всегда была враждебна культурным стремлениям Европы.

Как они заплатят вам?

Россия ограблена ими. Покупательная способность народа – ничтожна, его промышленность не развита, земля истощена, её мало. Народу предстоят долгие годы борьбы за своё освобождение...

Я думаю, что мой голос дойдёт до сердца каждого честного человека. Не для всех же рента – дороже человека?

Я верю в истинную культурность европейца. Он всегда рисуется мне стоящим на высоте, перед ним открыта вся жизнь мира, ум его обширен, сердце отзывчиво к стонам людей, и его честные глаза видят правду везде, как бы глубоко ни скрывали её те, для кого она враждебна.

Неужели моё представление ошибочно и наивно, неужели, ставя европейца так высоко, я ставлю его только в неловкое и смешное положение?..

Русское правительство – источник анархизма в стране (Из письма Анатолю Франсу)

Искренно уважаемый мною собрат по оружию!

Когда я узнал, что во Франции образовалось «Общество друзей русского народа» – этот день был днём моей великой радости.

Для меня земля – гордое сердце вселенной, искусство – огненное сердце земли, люди искусства – фибры её сердца.

Искусство чувствует за всех, грустит со всеми, оно – неиссякаемый источник любви и правды, справедливое, как солнце, оно, воспевая героя, печально любит и ничтожного, оно есть Мать, для которой все люди мира – маленькие, горячо любимые дети.

И только для людей искусства воистину – нет эллина, нет иудея! Для них человек прежде всего – душа, душа печальная и мятежная, душа, искажённая жестокостью скверно созданной жизни. Трагически раздвоенный насилиями над его духом со стороны отвратительных маньяков, которые считают себя призванными небом, чтобы управлять судьбами народов, – каждый человек для искусства – неисчерпаемый источник мудрости и поэзии, великого и жалкого, горя и пошлости...

Дорогой собрат!

Каждая народная масса есть источник чудесных возможностей, в каждой стране, под гнётом труда и насилия, гибнут, быть может, десятки гениев, сотни великих людей, всем народам необходима полная свобода приобщения ко всему, что создано и создаётся творческой работой духа.

Каждая страна в наши дни – женщина, которую насилуют животные, вот почему она так много родит уродов, так редко – великих людей.

Больше свободы народам, если мы хотим видеть жизнь достойной человека, прекрасной и радостной! Вот лозунг для всех, кто любит жизнь.

Моя родина – страна невыразимых, безумных, зверских насилий над человеком, – моя родина становится кошмаром всего мира.

Молодая страна, ещё не жившая свободной духовной жизнью, она многое может дать миру, если освободится от гнёта бездарной и грубой силы, убивающей её душу.

Я знаю русский народ и не склонен преувеличивать его достоинства, но я убеждён, я верю – этот народ может внести в духовную жизнь земли нечто своеобразное и глубокое, нечто важное для всех...

Ныне мой народ поднимает голову, он хочет открыто бороться за свою свободу со зверями – владыками его судьбы.

Он понял, наконец, что, если будет молча терпеть и далее, – он погибнет, из него высосут всю кровь, раздавят ему

грудь, убьют сердце.

Посмотрите – ни одного даровитого, даже ни одного просто приличного человека не выдвигает русское правительство на защиту интересов своего дома, только тёмные люди, изверги, лишённые сердца, животные без разума, стая хищных птиц, почуявших запах трупа, суетится и вьётся около трона, утопающего в крови народа.

Правительство русское, не имея нигде опоры, ныне опирается на свору жадных псов, готовых растерзать даже младенца, лишь бы удовлетворить свою сладострастную, болезненную жажду власти над людьми.

Это безумие, в которое впадают все рабы, когда им дают возможность командовать.

Русское правительство – источник анархизма в стране. Это не парадокс. Все обезумели – одни от усилий удержать свою власть и страха потерять её, другие от наслаждения властью. Но эта партия «анархистов», раздирающих живое тело России хищными, звериными когтями, эта шайка безумных – всё ещё держится. В её руках административный аппарат, пока она ещё владеет армией и её поддерживает инерция. Сгнившее, пропитанное кровью здание качается, скрипит, но не падает.

Выборы в Думу открыто и нагло фальсифицируются – ведь Дума нужна правительству лишь для того, чтобы Европа дала ему денег на продолжение борьбы с народом. Полиция явно и грубо насилует волю выборщиков, подсовывая

им угодных ей кандидатов, но это плохо удаётся – если выбирают, то лишь под страхом нагаек и штыков. Там, где есть хоть малейшая свобода выборов, – wybranными оказываются люди, сидящие в тюрьмах, сосланные в Сибирь.

Местами неунывающий русский народ шутит: выбирает глухонемых, заик; в одном случае выбрали собаку, объяснив это так: «Правительству, видимо, хочется, чтобы именно скоты представляли наши интересы, оно так заботится об этом! К тому же содержание собаки дешевле стоит, чем даже содержание провокатора, а у правительства так мало денег!»

Рабочие выбирают своими депутатами фабричные трубы на том основании, что их «казак нагайкой не достанет и пулей не пробьёт».

А рабочие Петербурга единодушно сорвали выборы.

Русский народ понимает, что его хотят грубо обмануть, и не поддаётся обману. Он готовится к бою.

Этот бой не будет продолжителен и тяжёл, если русскому правительству не дадут денег в Европе на продолжение убийств и казней, бой будет краток и решителен, если народ получит теперь же материальную помощь.

Но если будет продолжаться то напряжение, в котором живёт теперь мой народ, – в душе его всё более будет скопляться ненависти, всё больше жестокости, и в решительный момент, – он неустрашим всё равно! – эта сила ненависти, этот обвал жестокости ужаснёт весь мир!..

Рабов нельзя любить

Заметки о мещанстве (из одноименной статьи)

Мещанство – это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства – уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

Но объясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того, чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни.

Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, объясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всемогущего чудовища – государства.

Но объяснение – не оправдание. Современное государ-

ство создано мещанами для защиты своего имущества – мещане же и дали государству развиваться до полного порабощения и искажения личности. Не ищи защиты от силы, враждебной тебе, вне себя – умей в себе самом развить сопротивление насилию.

Жизнь, как это известно, – борьба господ за власть и рабов – за освобождение от гнета власти. Темп этой борьбы становится все быстрее по мере роста в народных массах чувства личного достоинства и сознания классового единства интересов.

Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе, его любимая позиция – мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии. Всегда внутренне бессильное, мещанство преклоняется пред грубой внешней силой своего правительства, но если – как мы это видели и видим – правительство дряхлеет, мещанство способно выпросить и даже вырвать у него долю власти над страной, причем оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой.

Оно густо облепило народ своим серым, клейким слоем, но не может не чувствовать, как тонок этот холодный слой, как кипят под ним враждебные ему инстинкты, как ярко разгорается непримиримая, смелая мысль и плавит, сжигает вековую ложь...

Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх пред жизнью, – в корне своем это страх пред

народом, слепой силой которого мещанство выстроило громаздкое, тесное и скучное здание своею благополучия. На тревожной почве этого страха, на предчувствии отщепенства у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа – тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Ле-Бонами, Ломброзо – имя им легион...

В будущем, вероятно, кто-то напишет «Историю социальной лжи» – многотомную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представят собой целый Арарат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину горами липкой, хитрой лжи.

Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать самим себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты.

И доказывают более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют неодолимые, роковые законы, созданные богом, или природой, или самими людьми, что по силе этих законов человек может удобно устроиться только на шее ближнего своего и что, если все рабочие захотят есть котлеты, – на земле не хватит быков...

Противоречия между народом и командующими классами – непримиримы. Каждый человек, искренно желающий видеть на земле торжество истины, свободы, красоты, должен бы, по мере сил своих, работать в пользу быстрейшего и нормального развития этих противоречий до конца –

ибо в конце этого процесса пред всеми людьми с одинаковой очевидностью встанет и преступность нашего общественно-го устройства и ясная для всех невозможность дальнейшего существования его в современных формах...

Мещанство всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий.

Когда в жизни усиливается трение враждебных сил, мещане тревожно прячут головы под крыло какой-либо примирительной теории. Уклоняясь от личного участия в борьбе, мещанин старается ввести в нее более или менее авторитетное третье лицо и возлагает на него защиту своих мещанских интересов. Раньше он ловко пользовался для своих целей богом; задавив бога устройством церкви – обратился к науке, везде стараясь найти доказательства необходимости для большинства людей подчиниться меньшинству.

Каждый раз, когда на светлом и величественном храме науки появляется какая-то темная, подозрительная плесень, – так и знайте! – это мещанин коснулся храма истины своей нахальной, нечистой рукой...

Науку родили опыт и мысль человечества, она есть свободная сила, которую трудно подчинить интересам мещанства, – в науке не нашлось доводов, оправдывающих бытие мещанства, напротив – чем дальше она развивается, тем более ярко освещает вред паразитизма...

На почве усиленных попыток примирить непримиримое у мещанина развилась болезнь, которую он назвал – совесть.

В ней есть много общего с тем чувством тревожной неловкости, которое испытывает дармоед и бездельник в суровой рабочей семье, откуда – он ждет – его могут однажды выгнать вон. В сущности, и совесть – все тот же страх возмездия, но уже ослабленный, принявший, как ревматизм, хроническую форму... Эта особенность мещанской души позволила мещанину создать новое орудие примирения – гуманизм, – это нечто вроде религии, но не так цельно и красиво: тут есть немного логики, немного доброго чувства, жалости и много наивности и всего больше христианского стремления дать людям вместо хлеба насущного мыльные пузыри. В конце концов – это милостыня народу, довольно жалкие и пресные крохи, великодушно брошенные богатым Лазарем своему бедному тезке... Это не имело успеха, народ не насытился, не стал более кротким и по-прежнему хотя и безмолвно, но очень косо смотрел голодными глазами, как пожирались плоды его труда... Было ясно – гуманизм не может служить для мещан орудием защиты против напора справедливости...

Мещанин любит говорить народу: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», но под ближним всегда подразумевает только самого себя и, поучая народ любви, оставляет за собою право жить за счет чужого труда – незабываемым.

Когда мещанство убедилось, что народ не хочет быть гуманным и учение Христа не примиряет рабочего с его ролью раба, навязанной ему государством, – оно почувствовало и

гуманизм и религию как излишний балласт в своей тесной, квадратной, маленькой душе, оно захотело освободить себя от этого балласта – отсюда и начался отвратительный процесс разложения мещанской души.

Нужно было видеть пьяную радость мещан, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии!

Им показалось, что вот, наконец, явился некий Геркулес, он очистит авгиевы конюшни мещанской души от серой путаницы понятий, освободит из мелкой и пестрой сети чувствований, которую они так долго, усердно и бездарно плели своими руками, которая связала их взаимно друг друга отрицающими нитями, – «я хочу, но я не должен, я должен, но я не хочу», – связала и привела в тупик бессильного отчаяния – «я не могу жить». Мещанство немедленно сделало из Ницше идола, заключив всю многообразную душу его в один жуткий крик:

«Спасайтесь, как сможете. Мир погибает, ибо идет демократия!»

Но это был крик агонии самого мещанского общества, издыхающего от утомления в поисках хотя бы и дешевого, но прочного счастья, хотя бы и скучного, но устойчивого покоя, тесного, но твердого порядка. Может быть, Ницше был гений, но он не мог сделать чуда, не мог влить новую горячую кровь в изношенные жилы и огнем своей души не мог пережечь мелких лавочников в аристократов духа. Призыв к самозащите пал на бесплодную почву – мещанство живет чу-

жим трудом и может бороться только чужими руками...

Раньше оно могло покупать людей на службу себе деньгами, позднее подкупало их обещаниями и всегда обманывало. Теперь, когда люди начали понимать свои личные интересы, их трудно обмануть. Люди всё более резко делятся на два непримиримых лагеря – меньшинство, вооруженное всем, что только может защитить его, большинство, у которого только одно оружие – руки – и одно желание – равенство. Направо стоят бесстрашные, как машины, закованные в железо рабы капитала, они привыкли считать себя хозяевами жизни, а на самом деле это безвольные слуги холодного, желтого дьявола, имя которому – золото. Налево всё быстрее сливаются в необоримую дружину действительные хозяева всей жизни, единственная живая сила, все приводящая в движение, – рабочий народ... сердце его горит уверенностью в победе и он видит свое будущее – свободу...

Между этими двумя силами растерянно суетятся мещане, – они видят: примирение невозможно, им стыдно идти направо, страшно – налево, а полоса, на которой они толкуются, становится всё теснее, враги всё ближе друг к другу, уже начинается бой...

Что делать мещанину? Он не герой, героическое непонятно ему, только иногда на сцене театра он любит героями, спокойно уверенный, что театральные герои не помешают ему жить. Он не чувствует будущего и, живя интересами данного момента, свое отношение к жизни определяет так:

Не рассуждай, не хлопочи,
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть тому, что будет,

Живя – умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу...

Он любит жить, но впечатления переживает неглубоко, социальный трагизм недоступен его чувствам, только ужас пред своей смертью он может чувствовать глубоко и выражает его порою ярко и сильно. Мещанин всегда лирик, пафос совершенно недоступен мещанам, тут они точно прокляты проклятием бессилия...

Что им делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может – в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетиков, построенные ими на скорую руку из краденого материала; печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собою клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха, свою бездарность, свое нахальство, и всё, до чего они касаются, они осыпают градом красивеньких, но пустых и холод-

ных слов, звенящих фальшиво и жалобно.

Эту скучную и тревожную суету мещанства наших дней, испуганного предчувствием своей гибели, последнюю главу его бесцветной истории можно назвать так: «Мещане, кто во что горазд!»

* * *

Каждый, разумеется, видит все в жизни так, как он хочет видеть, а кто ничего не хочет, видит только себя – скучное и жалкое зрелище!

Мещанин не способен видеть ничего, кроме отражений своей серой, мягкой и бессильной души.

Наиболее уродливые формы отношения мещанства к народу сложились в нашей нелепой стране. Вероятно, на земле нет другой страны, где бы командующие классы говорили и писали о народе так усердно и много, как у нас, и уж, наверное, ни одна литература в мире, кроме русской, не изображала свой народ так приторно-слащаво и не описывала его страданий с таким странным, подозрительным упоением.

Придавленный к земле тяжелым и грубым механизмом бездарно устроенной государственной машины, русский народ – скованный и ослепленный Самсон – воистину, великий страдалец!

А русская литература с печальным умилением смотрела, как тупая сила власти, разнузданной своей безнаказанно-

стью, насилует русский народ, как она старательно отравляет суевериями этот вечный источник энергии, которой бесправно пользуются все, как истощается почва, дающая всем и хлеб и цветы, она смотрела на это преступление против жизни ее родины и лирически вздыхала:

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Наша литература – сплошной гимн терпению русского человека, она вся пропитана тихим восторгом пред страдальцем-мужичком и удивлением пред его нечеловеческой выносливостью.

Где ты черпал эту силу? —

спрашивает она его, но народ был для нее натурой, с которой она красиво и сочно писала более или менее талантливые картины для удовлетворения своих творческих эмоций и эстетического вкуса мещан...

Соль истинной поэзии в изображениях мужика и его жизни, даже у крупных писателей, часто и странно смешивается с патокой грустного лиризма, а он всегда неуместен при описаниях жизни русской деревни, ибо, по меньшей мере, неприлично лирически вздыхать, когда на ваших глазах люди утопают в грязи и во тьме.

И всегда в отношениях русского писателя к своим геро-

ям-мужикам чувствуется нечто вроде удовольствия видеть их ничтожными, мягкими, добрыми и терпеливыми...

Сознательно или бессознательно, но всегда настойчиво наша дворянская литература рисовала народ терпеливо равнодушным к порядкам его жизни, всегда занятым мечтами о боге и душе, полным желанием внутреннего мира, мещански недоверчивым ко всему новому, незлобивым до отвращения, готовым все и всем простить, курносый идеалист, который еще долго и долго способен подчиняться всем, кому это нужно.

Мещанство читало красивые рассказы о смирном русском народе, искренно восхищалось его незлобивым терпением и, спокойно, крепко сидя на его хребте, дало ему лестный титул народа-богоносца.

Ко времени вынужденного народом освобождения его от крепостного права, и – кстати – от земли, в нашей стране, как это известно, образовался небольшой, но энергичный слой людей, сильных духом и внутренне свободных. Это была смелая вольница, «кто с борку, кто с сосенки», – неудачные дети духовенства, уроды из дворянских семей, блудные сыновья чиновников, только что рожденные фабрикой рабочие – всё умные, здоровые, веселые работники, бодрые, как люди, проснувшиеся на рассвете ясного майского дня. Полные молодой жажды жизни красивой и свободной, они увидели перед собой жизнь, устроенную их отцами, и с презрением, с гордой насмешкой отвернулись от нее – тесной, скуч-

ной, нищенски бедной содержанием, формами и красками, нагло и грубо построенной на непосильном труде ограбленного, темного народа.

Вокруг них шумно суетилось встревоженное реформами мещанское общество, – ожиревшее, вырождающееся, уже духовно мертвое, оно судорожно корчилось, как гальванизированный труп, и на пороге новой жизни тупо злилось, трусливо и злобно шипело, чувствуя, что на земле для него остались только могилы. Буйная молодость дерзко и весело пела отходную остаткам крепостного строя и зорко присматривалась, ища свое место в жизни.

А правительство, освободив народ, тотчас же усердно занялось разведением чиновников, ковкой звеньев новой цепи для народа. К разночинцам оно относилось подозрительно и враждебно, люди, которые не хотели быть чиновниками, были излишни и вредны для него. Было ясно – если интеллигент-разночинец хочет жить, он должен встать ближе к народу, опереться на него и увеличить свою дружину за его счет. Интеллигент понял это, пошел в народ сеять среди него «разумное, доброе, вечное»...

Разумеется, наше правительство не могло допустить на ниве народной никаких посевов, кроме тех, которые укрепляли бы легенду о неземном происхождении его власти. И вот началась беспримерная в истории эпическая борьба горсти смелых людей с чудовищем, которое похитило свободу и зорко, жадно стережет ее...

Эта битва была красива, как старый рыцарский роман, она родила много героев и пожрала их, как Сатурн своих детей. Герои погибли. Участь героев – всегда такова, и не будем оскорблять память героев сожалением о гибели их...

Это были стойкие, крепкие люди, но история поставила их между холодной наковальней и тяжелым молотом. Много они хотели поднять, много сдвинули с места и надорвались в усилиях разбудить народ, – он до этой поры не видел ничего доброго от господ и не поверил им, когда они бескорыстно принесли ему ученье о свободе, равенстве, братстве.

Те, кому лгали столетия, не могли научиться верить в годы...

В эти дни, когда рыцари бились насмерть со змеем, – мечанство в стихах и прозе доказывало, что

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить, —

что русский народ чрезвычайно самобытен и что греховная западная наука, развратные формы жизни Запада совершенно не годятся для него. Влияние Запада может только испортить, разрушить кроткую, мягкую душу и прочие редкие качества народа-богоносца, воспитанные в нем порками на конюшнях, сплошной неграмотностью и другими идеальными условиями русской самобытности.

В творениях мещан на эту тему есть много любопытно-го, но самое замечательное в них – соединение таланта с какой-то истинно восточной ленью ума и татарской хитро-стью, которой мещане прикрывали эту лень мыслить сме-ло и до конца яркопестрыми словами восторга пред наро-дом. Немой, полуголодный, безграмотный народ, по увере-нию мещан, был призван обновить весь мир таинственной силой своей души, но для этого прежде всего требовалось отгородить его от мира высокой стеной самобытности, дабы не коснулся его свет и воздух Запада. Он, еще недавно награ-да вельможам за придворные услуги, живой инвентарь поме-щичьих хозяйств, доходная статья, предмет торговли, вдруг стал любимой темой разговоров, объектом всяческих забот о его будущей судьбе, идолом, пред которым мещане шумно каялись во грехах своих. Растерянная, суетливая мещанская мысль, как летучая мышь над костром, завертелась вокруг народа в своих поисках оправдания и примирения.

Эта жалкая суета развращала порою лучшего поэта тех дней, и часто он, вступая в общий хор лицемерно кающихся, фальшиво вторил им:

...Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Чего пожелать?..
...Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,

Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусство, науки
Предаваться мечтам и страстям...

В этом, допустим, искреннем лирическом порыве сытого и несколько сконфуженного своей сытостью человека чувствуется немного иронии над собой, но – какая странная скудость фантазии! Неужели народу, усыпленному насильно, народу, сон которого ревниво оберегали тысячи верных слуг Левиафана-государства, неужели этому народу нельзя было пожелать ничего лучшего доброй ночи? В те дни, когда уже многие били в набат, стараясь разбудить его? В те дни, когда герои одиноко погибали в битвах за свободу?

Мещанам нравились подобные стихи, и они искренно, от всей души, желали милому народу – спокойной ночи. Что они могли пожелать ему, кроме этого? Это и гуманно и дешево...

В это время – время борьбы – одни из них тревожно и угрюмо, как совы, кивали головами на Запад, где горел, не угасая, огонь свободы и в муках рождалась истина; они кричали, что оттуда льется отрава, которая погубит русский народ. Другие пристраивались в услужение к радикальным идеям, незаметно стараясь одеть их в уродующие одежды компромисса. Третьи злобно в стихах и прозе клеветали на все, что было им враждебно, – молодо, красиво, смело, – и во всем, что они делали, звучала их вечная тревога за свой

покой – тревога нищих духом.

А в страну медленно входил железной стопой окутанный серыми тучами дыма и пара великий революционер, бесстрастный слуга желтого дьявола, жадного золота, – все разрушающий капитализм...

* * *

Толстой и Достоевский – два величайших гения, силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена – Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете. Но однажды они оказали плохую услугу своей темной, несчастной стране.

Это случилось как раз в то время, когда наши лучшие люди изнемогли и пали в борьбе за освобождение народа от произвола власти, а юные силы, готовые идти на смену павшим, остановились в смятении и страхе пред виселицами, каторгой и зловещей немотой загадочно неподвижного народа, молча, как земля, поглотившего кровь, пролитую в битвах за его свободу. Мещане, напуганные взрывами революционной борьбы, изнывали в жажде покоя и порядка, готовые подчиниться победителю, предать побежденного и получить за предательство хоть маленький, но всегда лакомый для них кусок власти...

Тяжелые серые тучи реакции плыли над страной, гасли

яркие звезды надежд, уныние и тоска давили юность, окровавленные руки темной силы снова быстро плели сети рабства.

В это печальное время духовные вожди общества должны бы сказать разумным и честным силам его:

«Нищета и невежество народа – вот источник всех несчастий нашей жизни, вот трагедия, в которой мы не должны быть пассивными зрителями, потому что рано или поздно сила вещей заставит всех нас играть в этой трагедии страдающие и ответственные роли. Для государства мы – кирпичи, оно строит из нас стены и башни, укрепляющие злую власть его. Искусно отделяя народ от нас, оно делает всех бессильными в борьбе с его бездушным механизмом. Никто разумный не может быть спокоен, доколе народ – раб и слепой зверь, ибо он прозреет, освободится и отомстит за насилие над ним и невнимание к нему. Не может быть красивой жизни, когда вокруг нас так много нищих и рабов. Государство убивает человека, чтобы воскресить в нем животное и силою животного укрепить свою власть; оно борется против разума, всегда враждебного насилию. Благо страны – в свободе народа, только его сила может победить темную силу государства. Поймите – нет иной страны, где бы люди чести, люди разума были так одиноки, как у нас. Боритесь же за торжество свободы и справедливости, в этом торжестве – красота. Да будет ваша жизнь героической поэмой!..»

– Терпи! – сказал русскому обществу Достоевский своей

речью на открытии памятника Пушкину.

– Самосовершенствуйся! – сказал Толстой и добавил: – Не противься злу насилием!..

Есть что-то подавляюще уродливое и постыдное, есть что-то близкое злой насмешке в этой проповеди терпения и непротивления злу. Ведь два мировых гения жили в стране, где насилие над людьми уже достигло размеров, поражающих своим сладострастным цинизмом. Произвол власти, опьяненный безнаказанностью, сделал всю страну мрачным застенком, где слуги власти, от губернатора до урядника, нагло грабили и истязали миллионы людей, издеваясь над ними, точно кошка над пойманной мышью.

И этим замученным людям говорили:

– Не противьтесь злу! Терпите!

И красиво воспевали их терпение. Этот тяжелый пример наиболее ярко освещает истинный характер отношения русской литературы к народу. Вся наша литература – настойчивое учение о пассивном отношении к жизни, апология пассивности. И это естественно.

Иной не может быть литература мещан даже и тогда, когда мещанин-художник гениален.

Одно из свойств мещанской души – раболепие, рабье преклонение перед авторитетами. Если некто однажды подал мещанину от щедрот своих милостыню внимания, – мещанин делает благодетеля кумиром и кланяется ему, точно нищий лавочнику. Но это только до поры, пока кумир живет

в гармонии с мещанскими требованиями, а если он начнет противоречить им, – что бывает крайне редко, – его сбрасывают с пьедестала, как мертвую ворону с крыши. Вот почему писатель-мещанин всегда более или менее лакей своего читателя, – человеку приятно быть идолом.

Ожидаю, что идолопоклонники закричат мне:

«Как? Толстой? Достоевский?»

Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мещан. Я не знаю более злых врагов жизни, чем они. Они хотят примирить мучителя и мученика и хотят оправдать себя за близость к мучителям, за бесстрашие свое к страданиям мира. Они учат мучеников терпению, они убеждают их не противиться насилию, они всегда ищут доказательств невозможности изменить порядок отношений имущего к неимущему, они обещают народу вознаграждение за труд и муки на небесах и, любуясь его невыносимо тяжелой жизнью на земле, сосут его живые соки, как тля. Большая часть их служит насилию прямо, меньшая – косвенно: проповедью терпения, примирения, прощения, оправдания...

Это – преступная работа, она задерживает правильное развитие процесса, который должен освободить людей из неволи заблуждений, она тем более преступна, что совершается из мотивов личного удобства. Мещанин любит иметь удобную обстановку в своей душе. Когда в душе его все разложено прилично – душа мещанина спокойна. Он – индиви-

дуалист, это так же верно, как нет козла без запаха.

В древности еврейский мудрец Гиллель дал человеку удивительно простую и ясную формулу индивидуального и социального поведения.

«Если я не за себя, – сказал он, – то кто же за меня? Но если я только за себя – зачем я?»

Мещанин охотно принимает первую половину формулы и не может вместить другой.

Есть два типа индивидуализма: индивидуализм мещанский и героический.

Первый ставит «я» в центре мира – нечто удивительно противное, напыщенное и нищенское. Подумайте, как это красиво – в центре мира стоит жирный человечек с брюшком, любитель устриц, женщин, хороших стихов, сигар, музыки, человек, поглощающий все блага жизни, как бездонный мешок. Всегда несытый, всегда трусливый, он способен возвести свою зубную боль на степень мирового события, «я» для этого паразита – все!

Второй говорит: «Мир во мне; я все вмещаю в душе моей, все ужасы и недоумения, всю боль и радость жизни, всю пестроту и хаос ее радужной игры. Мир – это народ. Человек – клетка моего организма. Если его бьют – мне больно, если его оскорбляют – я в гневе, я хочу мести. Я не могу допустить примирения между поработителем и поработленным. Противоречия жизни должны быть свободно развиты до конца, дабы из трения их вспыхнула истинная свобода

и красота, животворящая, как солнце. Великое, неисчерпаемое горе мира, погрязшего во лжи, во тьме, в насилии, обмане, – мое личное горе. Я есть человек, нет ничего, кроме меня».

Это миропонимание, утонченное и развитое до красоты и глубины, которой мы себе представить не можем, вероятно, и будет миропониманием рабочего, истинного и единственно законного хозяина жизни, ибо строит ее он. Это миропонимание в русской литературе не отражалось. Она вообще не могла создать героя, ибо героизм видела в пассивности, и если пыталась изобразить активного человека, – это выходило бескровно и бесцветно даже у такого красивого и крупного таланта, как Тургенев.

Восьмидесятые годы были временем полного торжества мещан, и, как всегда, они торжествовали злобно, но скучно и бесцветно. Со слезами восторга прослушали речь Достоевского, и она успокоила их. Терпение ни к чему не обязывало мещан, но его можно было рекомендовать народу. Они, конечно, спокойно сложили бы бессильные, хоть и жадные руки, но совесть – эта кожная болезнь мещанской души – настойчиво указывала на необходимость вооружения народа оружием грамоты, и некая, небольшая часть их видела свое одиночество в стране, где так мало грамотных людей, которые могли бы играть для мещан роли слушателей, собеседников, читателей, потребителей газет, книг и прочих продуктов высшей деятельности мещанского духа. Мещанин

любит философствовать, как лентяй удить рыбу, он любит поговорить и пописать об основных проблемах бытия – занятие, видимо, не налагающее никаких обязанностей к народу и как нельзя более уместное в стране, где десятки миллионов человекоподобных существ в пьяном виде бьют женщин пинками в животы и с удовольствием таскают их за косы, где вечно голодают, где целые деревни гниют в сифилисе, горят, ходят – в виде развлечения – в бой на кулачки друг с другом, при случае опиваются водкой и во всем своем быте обнаруживают какую-то своеобразную юность, которая делает их похожими на первобытных дикарей...

Итак – мещане все-таки поняли необходимость увеличить свою армию и взялись за дело. Раздался успокаивающий и довольный крик – истинно мещанский пароль: «Наше время – не время широких задач!»

И наскоро создали пошлый культ «мелких дел» – воистину мещанский культ. Какая масса лицемерия была вложена в этот культ и сколько было в нем самообожания!

Другая группа мещанства – быть может, более искренняя в своем желании оправдать печальный и постыдный факт своего бытия – пошла на зов Толстого. Началось «самосовершенствование», этот жалкий водевиль с переодеваньем. В стране, где люди еще настолько не разумны, что пахут землю деревянной сохой, боятся колдунов, верят в чёрта, – в этой грустной и бедной стране грамотные люди, являясь идеями ради, стали отрицать разум. Подвергли науку наивной

и убогой критике. Отрицали искусство, отрицали красоту, одевались в крестьянское платье и неумелыми руками ковыряли бесплодную землю, всячески стараясь приблизиться к дикарю и называя это самоистязание «опрощением». Дикий, но совсем не глупый мужик смотрел на чудаков и пренебрежительно усмехался, не понимая мотивов странного и смешного поведения господ. Иногда, раздраженный своей тяжелой жизнью, выпивший водки, мужик обижал опрощенных, но они «не противились злу» и этим вызывали к себе искреннее презрение мужика.

Так вело себя мещанство совестливое, а масса его – жадная и наглая – открыто торжествовала победу грубой силы над честью и разумом, цинично добивая раненых. Она создала из клеветы, грязи и лицемерной угодливости победителю некий форт для защиты своего положения в жизни, в него засели довольно талантливые языкоблуды, навербованные по преимуществу из ренегатов, и дружно принялись заливать клеветой и ложью все, что еще горело в русской жизни.

Эти потомки крови Иуды Искарюта, Игнатия Лойолы и других хриstopродавцев, охваченные болезненной жадностью известности, но слишком ничтожные для того, чтобы создать нечто крупное, скоро почувствовали свое бессилие быть вождями и сделались растлителями мещанства. Открыто брызгая пахучей слюной больных верблюдов на все мало-мальски порядочное в русской жизни, они более четверти века раз-

вращали людей проповедью ненависти к инородцам, лакейской услужливости силе, проповедью лжи, обмана, – и нет числа преступлениям их, нет меры злу, содеянному ими. Малограмотные и невежественные, они судили обо всем всегда «применительно к подлости», всегда с желчью неудачников на языке.

Но все это известно, и обо всем этом так же противно и стыдно говорить, как о насилии над женщиной, как о растлении ребенка, и хочется поскорее подойти к поведению мещанства сегодня, в наши трагические дни...

* * *

В ту пору, когда мягкосердечные мещане осторожно пытались пронести во тьму народной жизни, мимо глаз стоокого цербера-государства, тускло горевшие светильники своих добрых намерений, в то время, когда ренегаты, опьяненные мстительной злобой, цинично плясали разнузданный танец торжества своего над могилами павших героев, а мещане, безразличные, наслаждались покоем и крепким порядком в серой мгле все победившей пошлости, – в эту пору государство снова хлопотливо стягивало грудь народа железными обручами рабства...

Победоносцев, дряхлый демон России, прокурор церкви Христовой, слуга насилия и апологет его, сладострастными руками фанатика вцепился в горло страны и душил ее и в

безумии восторга кричал:

– Велико и свято значение власти! Она служит для всех зеркалом правды, достоинства, энергии!

И вводил церковные школы в дополнение к земским начальникам.

Это было нагло, но многие находили, что это сильно и талантливо, – иногда цинизм выгоден мещанам, они находят его красивым.

Власть, подобно Цирцею, превращает человека в животное. Стремление к власти свойственно только людям ограниченным, только тем, кто не способен понять красоту и великую мудрость внутренней свободы, той свободы, которая не способна подчиняться и не хочет подчиняться. Властные люди вообще – тупы, а когда они могут действовать безнаказанно, в них просыпается атавистическое чувство предка-раба, и они как бы мстят за его страдания, но мстят не тем, кто заставляет страдать, а тем бесправным людям, которые отданы государством под власть его представителей, – а так как Россия слишком долго была страной рабов – в ней представители власти более, чем где-либо, разнузданны и жестоки...

Когда люди, незадолго пред этим чувствовавшие, что кто-то энергично вырывает власть из их рук, снова увидели себя владыками, – они бросились на страну, как звери, и ненасытно стали сосать кровь ее покорных людей, они вцепились жадными когтями в ее огромное неуклюжее тело и грабили, истязали, душили людей, как варвары-завоеватели, исто-

щали ее, как бациллы гноя зараженный организм. Это было время буйного торжества животных, тем более злых, что еще недавно они трепетали от страха.

Страна, казалось, скоро задохнется.

Но, сгибаясь под тяжестью насилия, ослепленный невежеством, ленивый с отчаяния, народ жил и молча наблюдал. Тяжелая жизнь выработала в нем нечеловеческую выносливость, изумительную способность пассивного сопротивления, и под гнетом злой силы государства он жил, как медведь на цепи, молчаливой, сосредоточенной жизнью пленника, не забывая о свободе, но не видя дороги к ней.

Народ по природе сильный и предприимчивый, он долго ничего не мог сделать своими крепкими руками, туго связанными бесправием; неглупый, он был духовно бессилён, ибо мозг его своевременно задавили темным хламом суеверия; смелый, он двигался медленно и безнадежно, ибо не верил в возможность вырваться из плена; невежественный, он был тупо недоверчив ко всему новому и не принимал участия в жизни, подозрительно косясь на всех.

И во что он мог верить? Все новое приходило к нему со стороны барина, давнего врага, и всегда в этом новом он должен был чувствовать нечто не для него, но против него. Когда он немного выучился грамоте и стал читать маленькие книжки, он чувствовал в них всегда одно: настойчивое желание господ видеть его добрым, трезвым, мягким.

«Все люди – братья, все равны!» – доказывали ему авторы

книжек.

А вокруг него стояли исправники, земские начальники, становые, урядники – ели его хлеб, брали с него подати, секли его розгами, а за чтение книжек сначала просто били по зубам, а потом даже начали сажать в тюрьму.

«Не в силе бог, а в правде!» – утешали его добрые господа, а он, от применения к его спине силы, по неделям сесть не мог.

«Надо любить ближнего, как самого себя!» – убедительно, и даже порой красиво, поучали его люди из города, а их отцы и братья в деревнях старались возможно дешевле купить его труд и просили начальство сочинить построже законы о найме сельскохозяйственных рабочих.

«Не бей свою жену, ибо она хотя и женщина, но тоже человек, учи детей грамоте, ибо «знание – радость, знание – свет», не пей водку – она разрушает организм, – и не воруй!» – говорилось в книжках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.